

«ПОРУЧИКИ КИЖЕ» В РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ

Р.Ф. Касаткина

О фантомах в русской фонетике впервые написал М.В.Панов. Ему принадлежит следующее наблюдение: «Фонология знает, что есть фонемы, выраженные звуковым нулём. Шире: функциональные единицы, которые бестелесны. Это – фонологические поручики Киже, особи, «фигуры не имеющие» [Панов 2004, с. 406].

1. Таких «поручиков Киже» можно обнаружить в целом ряде фонетических позиций, например, в консонантных сочетаниях *-стн-*, *-здн-*, *-стл-*, где средний смычный согласный не произносится, «фигуры не имеет», и обнаружить его можно только в других формах с тем же корнем, где в кластере отсутствует согласный [н] или [л']: *гру[с]ный – гру[с'т']ен, че[с]ный – о че[с'т']и, ле[с]ный – без ле[с'т']и, пра[з]ный – пра[з'д']ен, уе[з]ный – в уе[з'д']е, у[с]ный – у[ст]а, сове[с]ливый – сове[с'т'], сча[с]ливый – несча[с'т']ен, хва[с]ливый – хва[ст]аться* и др.

В этих и многих других аналогичных случаях «тень поручика Киже» может выявляться в особенностях ассимилятивного смягчения согласных. Консонантные сочетания в парах *-стл' – -сл'-, -стн' – -сн'-, -здн' – -зн'-* ведут себя по-разному. Первый согласный в двухфонемных кластерах *-сл'-, -сн'-, -зн'-* смягчается более последовательно, чем в трёхфонемных *-стл'-, -стн'-, -здн'-*: *участливый – запасливый; властнее, злостнее – опаснее, коснее, грустнее, честнее – теснее, яснее, бездне – любезнее*. Следует отметить, что приведённое явление проявляется в речи лишь как тенденция. Некоторые из подобных примеров нашли отражение в [БОС 2012], ср. *че[с']нее* и допуст. младш. *че[с]нее*, но только *те[с']нее*, *я[с']нее*; *бе[з']не* и допуст. младш. *бе[з]не* – но только *любе[з']нее*.

2. «Фигуры не имеет» и согласный *j* во многих фонетических позициях. Остановимся на реализации /j/ в интервокальных позициях /aja/, /aju/, /oju/, /ojo/ и т.п. Йот в этих сочетаниях обычно элиминируется, а следующие за ним гласные *a, y* произносятся как продвинутые вперёд: *ста́я > ста[ä], ста́ю > ста[ÿ]*. Исследователи отметили эту произносительную закономерность ещё в начале XX в., см., например [Шахматов 1941¹, с. 113].

Первым, кто из наших современников обратил внимание на это явление, был Михаил Викторович Панов. Он пишет: «Сопоставления *играй – играя, играю, край – края, краю <...>* сводятся к наблюдению: без последующего гласного выступает [j] (*край*), при следующем гласном йота нет и следуют [ä, ÿ] [Панов 1967, с. 64].

¹ Перепечатано с издания 1910-1911 г.

М.В.Панов считал обнаруженное им явление свойственным только флексиям. Так же считал и А.А.Шахматов. Р.И.Аванесов, рассматривая подобные примеры (*старая и старое, умная и умное, добрая и доброе, двое, трое*), также пишет о «некоторых окончаниях прилагательных в заударном конечном открытом слоге», которые «в непринуждённой разговорной речи» могут произноситься без /j/ [Аванесов 1972, с. 157; 1984, с. 100]. Такую же реализацию /j/ Р.И.Аванесов отмечает и в глагольных окончаниях в таких случаях, как *зна́ют, чита́ют* и др. [Аванесов 1984, с. 125-126].

Более подробные сведения о реализациях /j/ можно найти в наших работах [Касаткин, Касаткина 2004; Касаткина 2008; Касаткин 2009]. См. также [Арзиани 2008]. Согласно нашим наблюдениям, «нулевые» реализации свойственны не только «непринуждённой разговорной речи» и отмечаются не только в заударных флексиях, но и в корнях слов, в том числе и в слогах под ударением: Поле для таких реализаций – устная речь во всех её разновидностях.

В настоящей же работе отмеченное явление интересует нас постольку, поскольку оно тесно связано с проблемой *фантомов*. Важно отметить, что в русской фонетике имеются такие «фантомы», о которых можно судить лишь по той «тени», которую они отбрасывают на предшествующий или последующий звук, оставаясь при этом, подобно «поручику Кижэ», невидимыми, или точнее, применительно к фонетике, неслышимыми). Обсуждая этот феномен, Р.И.Лихтман задаётся вопросом: «может ли «исчезнувший» звук вызвать некий признак у соседнего?» [Лихтман 2000, с. 33] и отвечает на этот вопрос положительно. В случаях с элизией [j] в интервокальной позиции в роли «тени» выступает заместительное упреждение последующих гласных переднего ряда [а], [у], [о] и образование в результате этого новых хиатусов, например: *алле́[ä], боле́[ÿ], зна[ÿ]т, игра́[ä], игра́[ÿ], кра[ÿ]*.

Важно отметить, что *j* может утрачиваться даже в позиции под ударением, например, *вли́[á]ние* (влияние), *вста[ó]т* (встаёт), *ка[ú]та* (каюта), *клее[ó]нка*, *кита[á]нка*, *ко[ó]т* (койот), *маки[á]ж* (макияж), *по[ó]т* (поёт), *при[ÿ]т* (приют) и т.п.

В сочетаниях /j/ с последующими гласными переднего ряда [и] и [э] в хиатусах «тень» отсутствует: *зна́[и^е]м, ката́[и^е]мся, кита́[и^е]ц, би[é]ние, бо[é]ц, во[é]нный, по[é]дем, при[é]ду, стро[é]ние* и т.п. [Касаткин 2009, с. 182; БОС 2012, с. 959].

3. Развивая свою идею «фонетических фантомов», М.В.Панов в качестве примеров приводит произношение эпентетических согласных в одном сибирском диалекте (*с[т]рэзатъ* вместо *срэзатъ*, *с[т]рук* вместо *срук*²) а также произношение эпентетических гласных

² Отмеченное М.В.Пановым явление известно многим диалектам русского языка.

в русском литературном языке, возникающих в спонтанной речи перед инициальными сонантами, например, [э]льсти́ть, [э]рты и т.п.).

М.В. Панов продолжает: «Роман Станислава Лема «Солярис» наводит на мысль, что может быть и противоположный случай. В романе говорится о «фантамах F»: это люди, но люди только по всему внешнему, по тому, что не является сутью человека; именно человеческой сути они лишены. Они поручики Кижэ наоборот. <...> Гласный и есть... и как бы нет его. Физически он существует, но по своей языковой сути, по функции – его нет <...> Таких единиц в языках немало. Они – не редкие пришельцы, а постоянные участники языковой манифестации. В конце концов, все переходные от звука к звуку, глайдовые элементы – фантамы F» [Там же, с. 407-408].

Очевидно, что к числу типичных «фантомов F» следует отнести и консонантные протезы в русском языке. Согласно [ЛЭС 1990] протеза – это «добавочный звук в абсолютном начале слова». По моим наблюдениям, «механизм» возникновения протезы связан с усилением начальной фазы гласного, что приводит к ее консонантизации, т. е. к появлению согласного. В этом случае имеет место антиципация (предвосхищение) артикуляции гласного. Обычно в такой ситуации произносится согласный, близкий по тембру к инициальному гласному: так, [и̣], [j] появляются перед начальной фонемой /и/ и в редких случаях перед /е/: *фа́ми́лия* и [j]и́мя; протезы [в], [w] появляются перед огубленными гласными /о/, /у/: *э́тот* [в]о́браз, *все* [w]уча́стники; протеза [h] возникает преимущественно перед /а/: *э́то* [h]а́втор *переда́чи*. Этот же согласный в качестве протезы может выступать и перед начальными гласными /о/, /у/. В отличие от других консонантных протез, гортанные согласные – смычный [ʔ] и спира́нт [h] могут появляться перед любым гласным: [ʔ]и [ʔ]и́ра; [ʔ]а [ʔ]а́ня? *на* [ʔ]о́ко *госпо́дне, добро́е* [h]у́тро, *по* [h]о́зеру. Уподобление протетического согласного тембру начального гласного порождает появление артикуляционно связанных консонантных протез. «Фантомная» сущность протетических согласных состоит в том, что большинство из них совпадает с реализациями некоторых фонем, не являясь при этом фонемами.

4. Существует и другой вид фантомов – это нечто исчезнувшее в прошлом, но оставившее свой материальный след в настоящем (ср. медицинский термин *фантомные боли*). В фонетике русского языка этот вид фантомов также представлен.

Например, по аналогии с «фантомными болями» в современной русской речи наблюдается спорадическое сохранение былой ассимилятивной мягкости [н'] в таких случаях, как в консонантных кластерах [нж] и [нш] в некоторых заимствованиях: *инжѐ́р, инжѐне́р,*

инженю, ора́нжевый, оранжерёя, ранжи́р, транжи́рить, транше́я, шинши́лла и др. В этих и других подобных случаях спорадически может произноситься палатализованный [н'], мягкость которого с точки зрения современного состояния системы не мотивирована, а ранее вызывалась мягкостью последующего шипящего.

В фамилиях *Аки́шин, Зиганишин, Мёнишиков, Менжи́нский, Па́ншин* и др., /н/ может реализоваться в палатализованном варианте [н'], поскольку следующий за ним шипящий раньше был мягким. Мягкость шипящих утрачена, но остался эффект «фантомных последствий». Подобно фонетическому варьированию [н'ш] / [нш] в фамилиях такого рода наблюдается и графическое варьирование: *Акишин – Акинъшин, Менишиков – Меньшиков, Панишин – Панъшин*. По поводу произношения фамилий с сочетанием *ниш* имеется свидетельство А.П. Чудакова: «о нём (Генке Менишикове) все помнили только одно: он очень следил, чтобы его фамилию не написали где-нибудь с мягким знаком» [Чудаков 2001, 172].

«Фантомная» мягкость [н'] перед шипящими может проявиться не только в заимствованиях, но и в исконно русских словах. Это находит отражение и в графике, ср., например варьирование твёрдого и мягкого носового в лексемах *ро́нжа – ро́ньжа*³ и *ха́нша – ха́ньша*. Примеры такого варьирования находим в текстах художественной литературы⁴: «Прочитала **ро́нжа** на кедре, опустившем до земли полы старой, непродуваемо мохнатой шубы» (В. Астафьев. Царь-рыба) и «Пахнет горьковатым ароматом осиновых губок, обдаёт каким-то влажным теплом; где-то немолчно долбит пёстрый дятел, неистово вскрикивает чёрная **ро́ньжа**, мелькает шустрая белка» (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Зелёные горы), «Он поднял голову, посмотрел на синее горло и серо-голубую грудь сизоворонки и зачарованно прошептал вслух: «**Ро́ньжа**» – ее уральское имя» (Б.Л. Пастернак. Доктор Живаго).

Такое же варьирование наблюдается в лексемах *ха́нша* и *ха́ньша*, например, «**Ханша** была женщина слабая, глупая и дерзкая» (Л. Толстой. Хаджи Мурат); «Юная **ханша** шуришала шелками, звякала запястьями, жмурясь, как кошка» (А. Ладинский. Последний путь Владимира Мономаха) и «Сам хан с **ханьшей** находился в войске»; *Ху Чжен ханьша* устроила большой пир, громко плакала о родных и любимых (И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии)....

³ Ронжа – птица семейства соек, бытующая на Урале и в Сибири.

⁴ Поиск примеров осуществлялся с помощью НКРЯ.

В речи И.В. Ильинского в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» отмечено произношение *ха[н']жа⁵* и т.п. Во времена М.В. Ломоносова это слово и графически отличалось от современного *ханжа́*, ср. пример из Российской грамматики М.В. Ломоносова: «Некоторые имена, происходящие от глаголов: *пакса, пьяница, ханъжа, суть рода общего*».

В формах сравнительной. степени прилагательных: *мёньше, ра́ньше, то́ньше* и др. ассимилятивная мягкость последнего согласного основы индуцирована воздействием последующего мягкого шипящего, которому исторически предшествовал суффикс *-jъ-*. Мягкость /н'/ закрепились, и «фантом» превратился в фонологическую реальность.

Следует иметь в виду, что согласные-ассимиляторы характеризуются разной степенью воздействия на соседние согласные, которые в свою очередь по-разному реагируют на тембровую ассимиляцию. Так, мягкие шипящие оказывают весьма сильное ассимилирующее воздействие на предшествующий [н]: в лексемах *ба́нщик, де́нщик, го́нщик, гарпу́нщик, ве́нчик, венча́ть, го́нчая, донча́к* и других подобных в современном произношении *н* палатализуется почти без исключений, что отражено в рекомендациях орфоэпических словарей, см. [ОС 1999; БОС 2012].

В XVIII-XIX вв. позиционная мягкость шипящих была представлена в фонетической системе русского языка более явно, чем в наше время. Такое произношение сохранялось как след более раннего состояния системы, когда мягкость шипящих была их имманентным свойством, а не обусловленной позиционно.

Позиционное сохранение мягкости шипящими дожило на правах узуального явления и до наших дней. Оно отмечалось А.В. Исаченко [Исаченко 1947: 128], позднее Р.И. Аванесовым [Аванесов 1984: 162]. Даже в современной русской речи некоторые исследователи отмечают возможность произношения мягких шипящих перед мягкими согласными и *j*, хотя и выводят его за пределы нормы, см., напр., [Касаткин 2001: 86]. В таких словах, как *бережли́вый, ве́жливый, ви́шни, ви́шню, картёжник, ли́шний, прёжде, прёжний, услу́жливый, худо́жник, чертёжник* и др. в наше время может произноситься мягкий шипящий.

Во всех перечисленных примерах представлено спорадическое сохранение исконной мягкости шипящих, поддержанное позиционно – соседством с последующими мягкими переднеязычными [н'], [л'], [j].

В нескольких заимствованных лексемах мягкость шипящих продолжала сохраняться и во второй половине XX в. *амбушюр, брошюра, жён-премьер, парашют, пшют, жульен, жури*. К нашему

⁵ Лексема *ханжа* – старое заимствование из арабского яз.

времени осталась только лексема *жюри*, в реализации которой наблюдается варьирование шипящего по твёрдости-мягкости: [ж]ури́ и [ж']юри́. Возможная мягкость шипящего может находить поддержку в языковой игре, например: *Вам никогда не приходилось [ж']юри́ть своего мужа?*

5. В том же ключе «фонетических фантомов» может быть рассмотрено произношение лексем с сочетаниями *-ти-*, *-ди-*, *-чи-* (к таким словам относятся, например, формы действительных причастий прошедшего времени *брéдший, вéдший, мéтший, па́дший, плéтший, шéдший*, а также формы сравнительной и превосходной степеней некоторых прилагательных *лу́чше, лу́чший, мла́дше, мла́дший, ху́дший*).

В современных работах по фонетике русского языка постулируется, что фонемы /д/, /т/ и /ч'/ в позиции перед [ш] реализуются в твёрдой аффрикате [ч]: *вéдший – вé[ч]ший, мéтший – мё[ч]ший, па́дший – па́[ч]ший, шéдший – ше[ч]ший, ху́дший – ху́[ч]ший, лу́чший – лу́[ч]ший*, см., например, [Касаткин 2008, с. 156].

Однако многолетние наблюдения автора статьи позволяют утверждать, что в современной русской речи наряду с отмеченной реализацией возможны и палатализованные варианты шипящей аффрикаты: *вé[ч']ший, мё[ч']ший, па́[ч']ший, ше[ч']ший, ху́[ч']ший, лу́[ч']ший, мла́[ч']ший* и т.п. Полагаю, что и это явление тоже может быть рассмотрено как фантомная мягкость – след ассимилирующего воздействия прежней, впоследствии утраченной, мягкости шипящего [ш']!

Напоминанием о прошлом состоянии системы, когда шипящие были мягкими, служит произношение мягкой долгой шипящей /ш':/ в сочетании с предшествующим согласным, например, *отщепéнец, подсчита́ть, отщёлкнутъ, тща́тельность* и т.п. Фонема /ш':/ в таких случаях реализуется в кратком аллофоне [ш'], а предшествовать ему может как твёрдая аффриката [ч], так и мягкая [ч']: *о[чш']епéнец* и *о[ч'ш']епéнец, по[чш']ита́ть* и *по[ч'ш']ита́ть* и т.п.

В позиции начала слова фонема /т/ из сочетания /тш':/ безальтернативно реализуется в мягкой аффрикате [ч'], которая в беглой речи может утрачиваться: *[ч'ш']éтно, [ч'ш']есла́вие*, в беглой речи допуст. *[ч']éтно, [ч']есла́вие*, см. [БОС 2012, с. 841].

Эти данные позволяют высказать предположение о том, что и в рассмотренных выше консонантных кластерах /тш/, /дш/, /чш/ отмеченное варьирование в реализации первой фонемы как [ч] / [ч'] может быть расценено как отголосок («тень») прежнего состояния системы, когда все шипящие, а не только долгие, были мягкими.

Литература

- Аванесов 1972 – Р.И. Аванесов. Русское литературное произношение. 6-е изд. М., 1972.
- Аванесов 1984 – Р.И. Аванесов. Русское литературное произношение. 7-е изд. М., 1984
- Арзиани 2008 – Е.Л. Арзиани. Экспериментальные данные о реализации фонемы /j/ в некоторых фонетических позициях в современном русском литературном языке // Русский язык в научном освещении / (15), с. 159-173.
- БОС 2012 – М.Л. Каленчук, Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина. Большой орфоэпический словарь русского языка. М., 2012.
- Исаченко 1947 – А.В. Issacenko. Fonetika spisovnej rustiny. Bratislava, 1947.
- Касаткин 2001 – Л.Л. Касаткин. Фонологическое содержание долгих мягких шипящих [ш':], [ж':] в русском литературном языке // Русский язык в научном освещении. № 1, 2001. С. 80-89.
- Касаткин 2008 – Л.Л. Касаткин. Современный русский язык. Фонетика. 2-е изд., исправленное. М., 2008.
- Касаткин 2009 – Л.Л. Касаткин. Орфоэпические правила реализации фонемы /j/ в современном русском литературном языке // Russian Linguistics. 2009, 33. S. 177-194.
- Касаткин, Касаткина 2004 – Л.Л. Касаткин, Р.Ф. Касаткина. Особенности реализации фонемы /j/ в позиции после согласного перед гласным в русском литературном языке // Russian Linguistics. 2004, 28. S 227-236.
- Касаткина 2008 – Р.Ф. Касаткина. Многоликий йот // Фонетика и нефонетика: К 70-летию Сандро В. Кодзасова. М., 2008. С. 344-351.
- Лихтман 2000 – Р.И. Лихтман. О фонетической позиции // Фортунатовский сборник: Материалы научной конференции, посвящённой 100-летию Московской лингвистической школы 1897-1997. М., 2000. С. 33-38.
- ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь // Отв. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка
- ОС 1999 – Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы. Изд. 6-е, стереотипное // Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1999.
- Панов 1967 – М.В. Панов. Русская фонетика. М., 1967.
- Панов 1990 – М.В. Панов. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. М., 1990.
- Панов 2004 – М.В. Панов. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. I. М., 2004. С. 406-412.
- Чудаков 2001 – А.П. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени. М., 2001.
- Шахматов 1941 – А.А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941.